

Креативные пространства поселений в российской и зарубежной философской мысли

Динамичные процессы в середине XX века, оказали значительное влияние на становление и расширение новой творческой экономики и важной ее составляющей – творческих индустрий. Творческие индустрии – западное изобретение, поэтому рассмотрение факторов и изменений связано с процессами и научными находками преимущественно в западных странах и обществах.

Множество ученых подметило множество разных тектонических процессов, которые фактически переворачивали структурную картину мира. Впервые о коммуникационной революции в глобальном масштабе заговорил М. Маклюэн. При этом в мире в связи с появлением новых подходов в экономике, культуре, в политике и нового понимания социальной структуры, расширением интеграции, которая приводит к все большей регионализации и политики мультикультурализма, появилось новое состояние мировой системы отношений [8].

В 1980-е – 1990-е годы разрабатывается множество новых междисциплинарных концепций: постматериальных ценностей, глобализации, сетевого общества, творческого класса, экономики опыта, творческих городов, а также новые размышления о демократическом устройстве (Р. Даль, А. Лейпхарт) и гражданском обществе (Ф. Шмиттер) [9]. Все большее значение приобретает взаимопроникновение интеллектуальных традиций наук, что приводит к разноплановому видению и интерпретации мира и человека.

Особое место занимает концепция социального капитала. В обиход быстро вошли такие важные основы социального капитала – доверие, нормы и ценности. Социальный капитал – важнейший философский феномен. В науке сложилось три классические традиции исследования социального капитала, идущих от трех авторов концепций (П. Бурдьё, Дж. Коулмен и Р. Патнэм) [2]. П. Бурдьё определил социальный капитал как «фактические или потенциальные ресурсы», человек обладает им в результате тесных и прочных связей знакомств и членства в какой-либо группе. При этом П. Бурдьё рассматривает социальный капитал в контексте культурного и экономического [2]. Акцент учёный всё же делает на преимуществах и возможностях участия в группах и организациях.

Для Дж. Коулмена, социальный капитал – связь образовательного успеха и неравенством в обществе, а также отношения между семейными отношениями и общественными организациями. Социальный ка-

питал – важной свойство общества, которое облегчает взаимодействия акторов в рамках организации. При этом акцент исследователь делает на пользу для индивида. Дж. Коулмен также устанавливает связь между социальным капиталом и доступностью к ресурсам [5].

Р. Патнэм определяет социальный капитал как важную характеристику общественной структуры, которая облегчает действия и сотрудничество людей ради взаимной выгоды вследствие доверия, норм взаимозависимости и сетей [6]. Социальные сети способствуют нормам взаимности. Для Р. Патнэма важно взаимодействие и взаимозависимость – взаимное уважение, доверие и гражданственность. Социальный капитал важен для развития

Новое понимание социальной структуры общества и ее ограничения для индивидуальной творческой и деятельной свободы приводит к дальнейшему поиску инноваций и стремлению к экономическому росту. Р. Флорида пишет, что «обществу нового типа свойственны более разнообразные дружеские контакты, индивидуализация занятий и ослабление связей внутри сообщества. Люди хотят разнообразия, низких входных барьеров и возможности быть собой. Статистика подтверждает эти наблюдения» [4]. Приоритетным становится рассмотрение таких вопросов, как соотношение традиций и инноваций во всех сферах человеческой активности.

В зарубежных исследованиях в последнее время очень часто подчеркивается ведущая и даже доминирующая роль городов в жизни человечества. В частности, в ежегодных лекциях в рамках нидерландского проекта «Мегаполисы» поднимаются вопросы конкурентоспособности городов и роль культуры, понимания сущности городского роста в культурном и экономическом разнообразии [2].

Современная жизнь проходит под лозунгом «Все и всё – в города!» [6].

Несмотря на такие проблемы, как бедность, закрытое пространство, небольшие связи между людьми, напряжение, шум и грязь, города раскрывают человека по-новому, исходя из новых вызовов человечества и постиндустриальной экономики. Города становятся центрами и каналами глобальных потоков капитала, товаров и услуг, людей, идей, образцов [4].

М. Кастельс отмечает, что города становятся командными центрами принятия решений, центрами коммуникации информационного общества [7].

Ф. Вуд, говоря о стимулах городского творчества, отмечает, что «сегодня все города встают перед вопросом, как обеспечить атмосфе-

ру, создать правильные условия, в которых будет возможно развитие их скрытого творческого потенциала» [5]. Он выделяет ряд факторов, которые обеспечивают к раскрытию нового потенциала городов, в особенности творческого. Это и осознание политического, управленческого и экономического кризиса, которое приводит к новым, нестандартным решениям и применению новых идей (самый успешный пример – г. Хаддерсфилд в Великобритании) [7]. Это и влияние включения в процесс изменений городов этнических меньшинств, это и осознание конкуренции с другими городами, творческого обучения, поощрения творческих экспериментов и сотрудничества в обсуждении идей, удовлетворения амбиций, появление манифестов и программных идей, а также «что-то полностью неожиданное и непредсказуемое» [5].

Один из главных теоретиков творческой экономики Ч. Лэндри, анализируя творческие города, отмечает, что они становятся важнейшим пространством и местом скопления общественного и интеллектуально-го ресурса [3].

Города создают преимущества для культурных индустрий: знания, традиции, атмосфера, локальная идентичность, частью творческого фонда городов становятся пространства, люди, сети [1]. Новое значение приобретают проблемы культурной идентичности, смешения культурного и коммерческого знания, эмоциональности и рациональности, творческого мышления и рутинизации.

Культурная революция 1960-х гг. привела к смещению ценностных акцентов молодого поколения на самореализацию и самовыражение, ставших новыми символами изменений в понимании культуры как нового ресурса и инструмента деятельности [8]. Снятие жестких идеологических рамок и размывание идеологий в западных политиках повлияло на изменение понимания роли культурных процессов, их влияния на взаимоотношения в обществе и между обществом и государством. Культура становится инструментом политики, становится одной из форм выхода из политического, социального и экономического кризиса. Культура становится движущей силой развития стран, городов, общества. Осознание правительствами стран Запада, что культура оказывает сильное, а порой и решающее влияние на конкурентоспособность страны, на привлечение инвестиций и формирование имиджа регионов и городов [4].

Кризис начала 1970-х гг. повлиял на смену идеи культурной демократии и централизованной культурной политики. Критика идеи культурной демократии, прежде всего, связана с элитистским подходом к избранию того или иного понимания культуры, навязывания культуры,

а не ее свободы [3]. Тем более, что после Второй Мировой войны роль искусства заключалась в морализаторской функции, а культура воспринималась как важнейшее общественное благо, те самым выстраивалась стратегия гуманитарной роли культуры. Культура – общественное благо. Ф. Матарассо и Ч. Лэндри отмечали, что «на смену лозунгу «культура для всех» (культурная демократия) пришел лозунг демократизации культуры – «культура для каждого» [3].

Новая культурная стратегия в 1980-е годы в странах Запада предполагала расширение понимания культуры (в том числе понимания культуры как деятельности), децентрализацию полномочий принятия решений в культурной деятельности, сотрудничество власти и учреждений культуры, инвестиции в культуру [6]. Особое значение культуры актуализировал и рост региональной и локальной идентичности в странах Западной Европы, а также развитие культурного туризма. Культурная политика выстраивается в рамках инструментального подхода, суть которого заключается в том, что «принципиальная ценность культуры определялась её способностью служить различным политическим целям и стратегиям, направленным на общественное развитие или решение социальных проблем» [3].

Американский социолог Р. Флорида в конце 1990-х вводит новое понятие – «творческий класс» для обозначения появления нового класса людей в современно меняющейся экономике постиндустриального общества [5]. Он также выделяет характерные черты представителей творческого класса – независимость, мобильность, свобода перемещений в пространстве (в компаниях и городах) в зависимости от созданных условий. Для творческих людей приоритетом становится не карьера, престиж и высокая зарплата, а ценность созданных условий для работы и жизни, раскрытие своего творческого потенциала, в том числе толерантная атмосфера и творческие стимулы. При этом Флорида акцентирует на индивидуальности творческого человека в сочетании с таким качеством, как возможность брать «на себя коллективную ответственность за благосостояние сообщества» [2]. Концепция Флориды оказала значительное влияние на понимание творческих индустрий и нового места городов, так как творческий класс во многом и составляют люди творческих индустрий.

Государственная, региональная и муниципальная политика в области культуры на современном этапе обладает высокой мобильностью, ориентирована на развитие свободного рынка и новые типы ресурсов – неограниченные (преимущественно творческие), в отличие от экономики индустриального общества, где приоритетными ресурсами являются

материальные, природные и финансовые [1]. Ч. Лэндри отмечает, что «культурные ресурсы – это материал, используемый для создания базовых ценностей города, сырье, которое приходит сегодня на смену углю, стали и золоту» [7].

Приоритетами становятся идентификация городов и регионов, а решение проблемы сегментированности сообщества направлено на взаимопроникновение местных сообществ и диалог культур [8].

Современное понимание культуры на официальном уровне стран Запада не исключает творческое наследие и традиционное понимание культуры, а проблема использования ресурсов традиционной культуры решается за счёт обустройства городской среды и пространства в рамках творческих индустрий [9].

В приоритете культуры можно говорить о том, что 2008 году Европейская Комиссия определила как «Европейский год межкультурного диалога» – важны культурная идентичность и убеждения на пути формирования европейского гражданства, развитие межкультурного диалога вместе с гармонией [9]. Приоритетом становятся творческая экономика и творческие индустрии как важнейшая составляющая экономики (как на национальном, так и на региональном и муниципальном уровнях). Основными составляющими успеха предприятия становятся гибкость в принятии решений и открытость инновациям [6].

Библиографический список

1. Богатуров А.Д. Синдром поглощения в международной политике // Pro et Contra. 1999. № 4.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
3. Гнедовский М. Творческие индустрии: политический вызов для России // Отечественные записки. URL: www.strana-oz.ru.
4. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. Том 3. № 5. 2001.
5. Вуд Ф. Круговорот городского творчества. URL: www.cpolicy.ru.
6. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. URL: <http://www.un.org/russian/docity.pdf>.
7. Зеленцова Е.В. Первопроходцы: Творческие индустрии приходят в Россию. URL: www.cpolicy.ru.
8. Востряков Л.Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели. URL: www.cpolicy.ru.
9. Города и столицы. Энциклопедический справочник. Минск, 1999.